

Лебедев Эдуард Евгеньевич

канд. филол. наук, старший научный сотрудник

БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБ «ОПЫТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУВАШСКОГО СИНТАКСИСА»

Аннотация: в статье дается общий обзор содержания классического фундаментального труда профессора Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса». Рассмотрены основные проблемы, поднятые автором в его монографии, указаны главные достижения и влияние, которое данный труд оказал на последующие исследования грамматики чувашского языка.

Ключевые слова: синтаксис, чувашский язык, падеж, именные части речи, глагол, изафетная конструкция.

В 1903 г. в Казани выходит второй фундаментальный труд Н.И. Ашмарина, посвященный изучению грамматики чувашского языка – «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1». Подготовку этого труда ученый начал сразу после опубликования своей первой монографии, отдал этому пять лет своей жизни. И если «Материалы» включали в себя прежде всего исследование фонетики и морфологии, то следующая монография по задумке автора должна была полностью посвящена описанию синтаксиса чувашского языка. В предисловии к этой работе Н.И. Ашмарин сетует, что предыдущая книга в силу некоторых обстоятельств не смогла передать многие особенности чувашского языка и его говоров. Будучи самокритичным человеком, Николай Иванович пишет о «важных пробелах» и «прямых погрешностях», которые были им допущены при написании «Материалов» [1, с. I]. Забегая вперед, отметим, что в первой и во второй частях «Опыта...» ученый с лихвой восполнил эти недостатки, и его исследования подкреплены большим количеством примеров из народной чувашской речи.

Действительно, для того чтобы результаты исследования отражали объективную картину, ученый должен был опираться на большой объем языкового материала. Но сделать это по вполне понятным причинам, о которых сам автор пишет в предисловии, было весьма затруднительно. Издание печатной продукции на чувашском языке в то время находилось еще в зачаточном состоянии. Большинство из опубликованных произведений представляло собой переводы с русского языка и касалось прежде всего религиозной тематики. Николай Иванович сокрушался, что, несмотря на все положительные стороны подобных изданий, они «не могут представить ... разнообразия, какое свойственно живой разговорной речи» [1, с. II]. Конечно, оригинальные тексты на чувашском языке тоже имелись, но и они не всегда удовлетворяли тем высоким требованиям, которые предъявлял к их содержанию ученый. Н.И. Ашмарин подробно описывает процесс сбора им необходимого языкового материала для написания книги. Читая эти строки, понимаешь, насколько сложно было находить интересующие автора примеры. Многие из них приходилось буквально выуживать в ходе устного общения с чувашами, так как их невозможно было найти в существующих литературных источниках. И даже имеющийся на руках материал ученому приходилось по несколько раз перепроверять, подключая к этому процессу все новых и новых корреспондентов. Как пишет сам автор, часто получалось так, что сведения, полученные от кого-нибудь из носителей чувашского языка, впоследствии оказывались неверными, так как корреспондент, который не изучал основы грамматики родного языка, а пользовался им исключительно на бессознательном уровне, терялся и не мог правильно употребить ту или иную форму вне речевого контекста. Случались даже такие парадоксальные ситуации, когда носитель языка категорически отрицал наличие в его говоре данной формы, а через несколько минут сам же неосознанно употреблял ее в своей речи [1, с. III].

В предисловии Н.И. Ашмарин дает общую оценку синтаксическому строю чувашского языка. Отметим, что эта оценка стала возможной только на основе глубокого анализа большого количества примеров. Важную роль при ее выставлении сыграла фундаментальная теоретическая подготовка автора, знание

им ситуации в других тюркских языках, являющихся родственными чувашскому. Именно сочетание этих двух факторов – кропотливого труда по сбору и анализу материала и блестящего знания теории изучения тюркских языков стало залогом высокого уровня исследования.

От наблюдательного глаза ученого не ускользнуло то, что чувашский язык к началу XX в. уже значительно изменил свою синтаксическую структуру. Это изменение выразилось в приобретении им некоторых свойств, присущих скорее не тюркским, а индоевропейским языкам. Не трудно догадаться, что основное влияние на изменение структуры чувашского языка оказал русский язык. Конечно, Н.И. Ашмарин делает такой вывод с некоторыми оговорками, пишет, что требуется более подробное и длительное исследование этого влияния, но в целом мы не видим причин не соглашаться с оценкой общих тенденций развития чувашского языка. Одним из примеров, подтверждающих влияние на него языка индоевропейского строя, является употребление послелогов в тех случаях, когда другие тюркские языки вполне обходятся падежными аффиксами. Но особо ярко «европеизация» чувашского языка видна на примере большого количества конструкций с инфинитивом на *-ма/-ме*, полагаем, что большая часть этих конструкций возникло и развилось в последнее столетие под непосредственным влиянием русского языка. Ученый приводит примеры с аффиксом принадлежности первого лица *-ăмăр/-ĕмĕр*, которая в части верховых говоров исчезла совсем. Действительно, под влиянием русского языка многие чувашки перешли на выражение принадлежности при помощи притяжательных местоимений: *манăн, санăн сурт* «мой, твой дом». Автор пишет: «Чтобы разобраться основательно во всех этих явлениях, конечно, потребуется еще очень много труда, и настоящее сочинение могло лишь затронуть многие из намеченных вопросов, но не решить их окончательно» [1, с. V].

Другим вопросом, требующим отдельного исследования, является наличие в современном чувашском языке финно-угорских элементов, которые также оказали несомненное влияние на его формирование. На чувашский язык (в особенности на его верховые говоры) прежде всего повлиял марийский язык

вследствие длительного проживания представителей обоих народов по соседству. Н.И. Ашмарин твердо заявляет о своей несогласии с гипотезой В.В. Радлова, в соответствии с которой чувашаи изначально представляли собой финноязычный народ, перенявший затем в несколько этапов в свой язык структуру и элементы одного из тюркских языков. Высокий авторитет В.В. Радлова долгое время влиял и на самого Николая Ивановича, и он тоже придерживался этого мнения. Но после более углубленного изучения самого чувашского языка и языка эпитафий волжских булгар ученый коренным образом изменил свой взгляд на этот вопрос. У него не осталось никаких сомнений в том, что дело происходило с точностью до наоборот: чувашский язык, будучи изначально тюркским, включил в себя множество финно-угорских элементов и изменил в некоторой степени свою внутреннюю структуру. Но при этом необходимо понимать, что своеобразие чувашского языка по отношению к другим языкам тюркской семьи существовало и до начала его контактов с поволжскими финно-уграми. Это наглядно доказывают древние заимствования в венгерском языке, попавшие туда из языка чувашского типа [1, с.VI].

Прежде чем перейти к основному разделу своего сочинения, Н.И. Ашмарин счел необходимым объяснить принципы деления всей работы на две части. В первой части, которую, собственно, он и представил вниманию читателей в 1903 г., упор был сделан прежде всего на формы и категории именных частей речи (за исключением причастий). Автором рассматривается употребление этих форм в различных придаточных, определительных и других предложениях. А все, что касается форм глагола, им было решено перенести во вторую часть исследования, которая увидела свет только через 20 лет после издания первой части – в 1923 г. На наш взгляд, подобное разделение материала на две, по сути, отдельные книги, выглядит вполне логичным и отвечает всем правилам грамматического исследования.

Ученый также счел нужным подробно объяснить использование им в качестве иллюстративного материала примеров из чувашских песен. По его мнению, язык песен в большей мере сохранил свою «чистоту и неприкосновен-

ность». В своем исследовании Н.И. Ашмарин постарался дать как можно больше примеров из чувашского фольклора для иллюстрации тех или иных оборотов речи. Однако и здесь перед автором возникли определенные сложности. Дело в том, что в песнях, записанных со слов корреспондентов, часто встречались фразы, которые выбивались из общего смысла и вносили в текст песни путаницу. Николаю Ивановичу приходилось по несколько раз проверять эти тексты и сравнивать разные их варианты, что конечно же отнимало у него массу времени. Как пишет сам ученый: «Смысл песен также нередко представлял значительные трудности, которых иногда не могли преодолеть и сами чувашки» [1, с. VIII].

Интересно замечание автора о том, что при объяснении языковых явлений он рассматривал их не только с «логической», но и с «психологической» стороны. Такого рода подход к лингвистической проблематике, конечно же, должен вызвать интерес у читателей. Мы усматриваем здесь со стороны Н.А. Ашмарина попытку анализа языковых фактов с точки зрения самого человека, как выразителя определенного национального самосознания. Другими словами, в «Опыте...» можно увидеть зачатки антропоцентризма – направления в лингвистике, которое активно начало развиваться только во второй половине XX в. Таким образом, ученый на много десятилетий раньше предвосхитил появление этого научного направления.

Николай Иванович просит указывать ему на возможные ошибки, которые были им допущены при подготовке книги. Впрочем, как утверждает автор, в некоторых случаях такие «ошибки» могут быть вызваны всего лишь различиями, существующими между чувашскими говорами. И хотя он старался использовать примеры, относящиеся к разным районам проживания чувашей, все же в книге преобладает языковой материал, отражающий диалект *анатри* [1, с. IX].

Н.И. Ашмарин посчитал своим долгом упомянуть еще один труд, посвященный грамматике чувашского языка – исследование венгерского ученого Й. Буденца «Csuvasközlések és tanulmányok» (Очерки по чувашскому языку), которое было издано в 1862–1863 гг. Как известно, Николай Иванович владел вен-

герским языком в той степени, чтобы читать на нем научную литературу. И по поводу этой работы он пишет, что намерен подготовить по ней отдельную статью. К сожалению, нам не известно, вышла ли подобная статья в дальнейшем. Возможно, у ученого просто не дошли до этого руки. Упомянутый труд Й. Буденца долгое время не был по достоинству оценен в отечественном чувашеведении именно по причине того, что был написан на венгерском языке, знанием которого могли похвастаться немногие российские ученые. Только в наше время, благодаря стараниям другой венгерской исследовательницы Ю. Дмитриевой (Салонтай), мы смогли познакомиться с содержанием этого значимого для своего времени исследования.

Выводы:

– «Опыт исследования чувашского синтаксиса» – первый труд, в котором основным объектом исследования стал синтаксический уровень чувашского языка;

– система описания синтаксиса у Н.И. Ашмарина весьма необычна, она базируется не на традиционных понятиях этого уровня: словосочетании и предложении, а на грамматических формах;

– поднят целый ряд вопросов, который до Н.И. Ашмарина либо не поднимался совсем, либо рассматривался поверхностно, без понимания его сути. К ним относятся, например, функционирование изафетных конструкций, падежных форм, форм с аспектуальными значениями и др.;

– «Опыт...» оказал огромное влияние на исследователей, занимавшихся синтаксисом и морфологией чувашского языка уже после Н.И. Ашмарина. Фактически этим трудом был создан фундамент для дальнейших исследований. Научное изучение чувашского языка было поднято на высокий уровень:

– несмотря на огромную положительную роль, которую сыграло в истории чувашского языкознания это двухтомное исследование, в нем присутствуют и ошибки, связанные с общим низким уровнем изучения чувашского языка на момент его подготовки. Среди таких ошибок можно назвать неправильное толкование значений некоторых аффиксов: аффикс образования наречий иногда

представляется как аффикс родительного падежа, аффикс *-na/-ne*, являющийся составной частью формы на *-танна/-тенне*, ошибочно назван творительным падежом и др.;

– часть современных исследователей чувашского языка справедливо считают, что Н.И. Ашмарин в своем «Опыте...» вышел за рамки традиционного синтаксиса и стал тем самым основоположником нового направления в исследовании грамматических форм чувашского языка – «морфосинтаксиса».

Список литературы

1. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. – Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1903. – 570 с.